

1922

ИСТОРИЯ ГЛАЗАМИ
СОВРЕМЕННОГО

(ОКОНЧАНИЕ. НАЧАЛО НА 1-й СТР.)

Пайков тоже. Будут трудности. Славы и денег не будет. Если можете не идти — не идите...»

Но к нему шли.

(Наш собеседник, Л. Ф. Макарьев к тому времени закончил Университет, преподавал литературу в школе и готовился к профессуре. Бросив все это, стал актером детского театра).

— Работать с Брянецким было очень интересно. Перед нами стояла задача: учиться у хороших актеров, создавать театр высокой культуры, театр-ансамбль.

Нас было человек тридцать, и мы начали... петь. Да, мы разучивали хоры, написанные Петровым-Волыновым для Ершовского «Конька-Горбунка».

Тем временем единственный плотник с помощью А. А. Брянецкого оборудовал в бывшем Тенишевском училище совершенно

особую сцену. Она соединила в себе античную оркестру, шекспировскую эстраду, выдвинутую в зал, и средневековую ярусную сцену — все лучшее в театрах разных веков мы хотели взять в свой детский театр! Сцена-коробка нами категорически отрицалась: наши будущие герои появлялись вдруг прямо в зрительном зале, волекая ребят в представление, заставляя жить в нем.

Был выработан внутренний устав ТЮЗа. Все актеры уравнивались в правах — сегодня я играю главную роль, завтра появляюсь на выходе...

Актер ТЮЗа должен быть педагогом, считали мы, а это значит — человеком совершенной душевной чистоты. Зритель должен быть уверен в том, что я, играющий положительную роль, и сам хороший, честный человек. Роль же отрицательную (а мне это выпадало часто) надо

ПЯТЬСОТ МИЛЛИОНОВ БУБЕНЦОВ

сыграть так, чтобы актер, словно прокурор, судил изображаемое им зло. Такая у нас была морально-творческая программа. И нас это очень увлекало.

Вот протокол одного из наших первых в 1922 году совещаний: «Слушали: об основных условиях работы каждого сотрудника театра. Постановили: а) считать ТЮЗ своей основной деятельностью; б) не связывать интенсивность своей работы с выплатой жалованья и пайка...» Мы не получили около трех лет зарплату, питались кое-как, подрабатывали в других местах. Деньги от спектаклей отдавали на декорации, актрисы шили костюмы сами.

Мы были люди разного уровня культуры, я обязателен для всех стади студийные занятия. Слушали лекции по истории театра, занимались акробатикой, ритмикой, пластикой, культурой речи. Все актеры пели, танцевали, если по ходу пьесы надо было играть на инструменте — актер должен был научиться играть.

Репертуара для детских театров не было. И Брянецкий сказал: «Будем играть настоящую классику. Будем инсценировать самих». Так, уже в 1922 году, в самом начале ТЮЗа, мы «замахнулись» на высокую классику и всемирную золотую детскую библиотеку.

Но что же такое — юный зритель, для которого мы готовили все свои труды? Надо очень хорошо его знать, чтобы при-

носить ему пользу, формировать его личность. Надо узнать его запросы, сидеть восприятия. Оказалось, что зритель-то наш — совсем особый! Вот я играю блонда офицера и угрожаю сыну красного командира: «Говори, где отец, или сейчас тебя расстреляю!» Целую в него. А из зала крик: «Ты не бойся, не бойся, пистолет-то не настоящий!». Такого требования детства к театру: чтобы было все так, как в жизни, и в то же время — лучше, чтоб было непохоже на будни.

Надо так играть, чтобы ребята поверили в чудо.

В ТЮЗе была создана педагогическая часть — впервые в истории театра. Не капельдинеры, а педагоги с высшим образованием встречали ребят, наблюдали их впечатления. Арсений Дмитриевич Авдеев создал целую систему учета зрительских реакций. По его диаграммам мы видели: интересно ребятам или нет.

Впервые детский театр разделил свой репертуар в расчете на возраст ребят. В сущности, у нас было три театра.

Театр действительно становился воспитателем. Мы знали теперь, что театр может помочь узнавать, лечить, изменять личность ребенка.

Мы читали лекции для учителей. Создавали делегатское собрание юных зрителей. Каждая школа направляла к нам делегатов. У них была своя комната в

ТЮЗе, они выпускали свою стенгазету, бюллетени, они дежурили на спектаклях. (Я до сих пор встречаю прежних тюзовских делегатов. Где-то я поспешных дорогах меня оставил генерал-майор: «Здравствуйте, Леонид Федорович!» Вот Берлин штурмовал, и я в это время штурмовал наш амфитеатр).

А вот еще проблема, которая стояла перед нами: как играть детям? Мы создали новое сценическое искусство — актрисы-мальчишки, «травести». Нам нужно было показать обездоленным ребятишкам детство, заботу страны о детях, рассказать о том, как могут жить и развиваться в новой, советской жизни ребята. Сколько героических образов ровесников увидели артели ТЮЗа! Мне удалось написать первую советскую пьесу о детях, того времени — «Тимошкин рудник». Евгений Цвирь создал для нашего театра пьесу «Ундервуд», где в ярком детективном сюжете действовали пионеры. Пьесы и инсценировки делали многие сотрудники театра: В. В. Зон, Л. С. Любашевский, П. П. Горлов. Мы стали драматургами, потому что не было советских детских пьес, а мы не могли ждать — мы должны были растить новое поколение. Тут-то громадную роль сыграла находка «травести» — тюзовские актрисы с большим мастерством играли мальчишек, играли так, что в них верили наши весьма прозорливые зрители. Они не

моргались скептиками «Э-э, девочки», их захватывал рассказ о сверстниках. В ТЮЗе появилась блестящая группа «травести»: К. В. Пугачова, Е. В. Баккерова, А. А. Охиткина, Т. С. Волкова, Е. А. Уварова, бывшие детдомовки, дети, спасенные революцией, воспитанницы детской художественной студии.

Да, мы не только «спектакли поигрывали», но и большие проблемы разрабатывали. Мы знали: театр для детей должен быть театром большого искусства. Это глубоко партийное дело, искусство для детей должно быть народно, демократично, глубоко философично и подлинно талантливым.

Рассказывать о ТЮЗе в этом доме могут бесконечно много. О товарищах по профессии. О том, какие чудные друзья были у возрожденного театра: академик Вавилов, к примеру, испытывал на его сцене фобересцирующие краски. На спектаклях бывали А. Ф. Конь, президент академии наук Карпинский, Теодор Драйзер, Анри Барбюс, А. В. Луначарский...

О том, как газеты того времени писали: «Этот ТЮЗ-бутик намнет бока взрослым театрам».

И о дне премьеры: «О, конечно, помню! — говорит Леонид Федорович. — Меня даже сейчас волнует все это. Мы играли первый спектакль в 12 часов дня. И вдруг погас свет. И мы открыли окна и играли!».

...Эта комната полна книг и фотографий. Если прикоснуться к одной, другой и далее, каждая отзовется в памяти детской мечтой, ребячьим смехом. Пятьсот миллионов бубенцов в доме сказочников...